

*Моя связь с Таганрогом и Россией.
О своих предках и о себе*

М. Молла

Детская память очень сложная, трудно установить, что ты помнишь сам и что почерпано из рассказов родных в течение всей твоей жизни. Я родилась в таганрогском роддоме 8 августа 1937 года. Мой дедушка, Валериан Гаэтанович Молла, вернулся из ссылки больной, и 14 января 1938 года его не стало.

Он любил возить меня в коляске по городу и на замечания моей матери, что ему, известному дирижеру, не уместно ходить с детской коляской по городу, возражал, что он гордится своей единственной внучкой и рад, что его с ней видят.

Две фотографии с ним - все что осталось о нашем совместном существовании. Он был, как я понимаю, незаурядная личность, и как художник и творческий человек он противился всяким условностям.

Помню себя на пляже у моря, или зимой, сидя в квартире у окна, ловлю мух для своего котенка. Помню витрину булочной с утятами из теста с глазами из изюма. Помню елку, где на меня указывали, как на внучку Молла. Мама даже рассказывает, что на замечание «как ты выросла», я как-будто ответила: «Все растет на свете, выросли и дети».

Выросла я в Вене. Отец умер скоропостижно в канун входа в город советских войск. Умерла и старшая сестра матери от рака. Остались больная бабушка, мама да я. После войны матери было невозможно дать мне музыкальное воспитание. К тому же у меня не было никаких способностей и даже слуха.

В 1951 году мы переехали в Италию и поселились в Риме. Начиная с Олимпийских игр 1960 года в Риме, где я возглавляла группу переводчиков русского языка, приподнялся «железный занавес», и я стала сопровождать итальянских туристов в СССР и советских граждан по Италии.

Я всегда себя чувствовала тесно связанной с Россией.

Во время этих поездок с туристами встречались нередко ученики и особенно ученицы дедушки, имена конечно не помню. Во время учебы и после окончания Римского университета я продолжила работать как переводчица с советскими туристами и делегациями, и мне довелось познакомиться с многими выдающимися деятелями советской культуры, как например: с актерами Н. К. Черкасовым и Борисом Ливановым, президентом Академии наук Келдышом, с художником Димой Жилинским, с поэтессой Натальей Кончаловской, с актрисой Аллой Демидовой и с режиссером Солнцева и многими другими. В мастерской живописца Ренато Гуттузо, почитаемого тогда всеми советскими художниками, я познакомилась с художниками Кориным и Таиром Салаховым.

Позже, когда я работала на фильме Калатозова «Красная палатка» я встретила с директором «Мосфильма» Суриным, таганрожцем. Он вспоминал деда, так как в молодости увлекался игрой на трубе.

Администрация фильма устроила мне поездку в Таганрог. Это было начало семидесятых годов. Я встречалась с подругами мамы, они мне дали разные красивые вещи из нашего дома и фотографии, которые у них сохранились. Ко мне примкнул «журналист» из Москвы, «случайно» оказавшийся в Таганроге. Было лето и тихие теплые вечера. Вечером у Каменной лестницы «журналист» стал приставать, и я его попросила за мной больше не ходить. Помню, что, смотря на фотографии, много ревела, думая о прошлом матери, деда, прадеда, об их молодости и жизни там.

Это мои личные воспоминания и моя связь с Таганрогом, не только духовная.

О своих предках я могу рассказать не много.

Прадед, Джузеппе Чезаре Гаэтано Молла, уроженец Милана и хормейстер театра Ла Скала, приехал 1863 году в Таганрог и был, как я узнала из книги «Музыкальная культура Таганрога», в течение 31 года центром музыкальной жизни города. Прекрасный симфонический оркестр, им организованный, стал играть еженедельно произведения русской и европейской музыки в городском саду. Там, предполагается, его и слушал молодой Антон Чехов. Прадед женился на Елизавете Драшковиц, которая требовала от внуков, чтобы ее называли мама Лиза. У них было два сына - Валериан и младший Николай, режиссер, умерший молодым. У отца Елизаветы были кирпичные фабрики, но записанные на имя друга, т.к. как иностранец он не имел право ими владеть. К сожалению, у этого друга дочка сбежала за границу с каким-то актером, и он бросился за ней и по дороге сошел с ума. Таким образом, Драшковици все потеряли, остались только кирпичи, из которых был построен наш дом, где родился дед и который не так давно был снесен.

Дедушка, Валериан Гаэтанович Молла, закончил Петербургскую консерваторию по классу фортепиано, теории композиции, где был учеником Римского-Корсакова, а также по дирижерскому классу. Там в Санкт-Петербурге он познакомился с моей бабушкой - Анастасией Федоровной Михайловой через ее брата Николая; Кока Михайлов, корнетист, который был удостоен императором золотым корнетом.

У дедушки с бабушкой было четверо детей: старший Борис, потом Ольга, Анатолий и младшая Валентина. Борис был белым офицером и погиб, а Анатолий сбежал из дома на фронт, чтобы отомстить за брата. Родители получили письмо от его товарища, где он сообщал, что Анатолий погиб и был поднят на штыки. Как раз началась гражданская война, и итальянская миссия в Ростове уговаривала деда уехать в Италию с семьей последним парходом. В Италии маэстро обещали место дирижера в Л а Скала. Но не было еще официального извещения о смерти младшего сына, и дед отказался.

Дедушка был хорош собой и пользовался успехом у женщин. Судя по воспоминаниям его учеников, он был остроумен, вспыльчив, щедр и благороден. Моя мать рассказывает, что дедушка был религиозным, ходил в костел и ел каждый день макароны, как настоящий итальянец. Будучи вегетарианцем возмущался на бабушку, которая, мать четверых детей, позволяла прислуге потрошить и варить курицу.

В Таганроге он был известен и любим как дирижер и преподаватель по классу фортепиано и пению, а также как общественный деятель. По словам матери, на всех бенефисах он обязательно исполнял симфонию Дворжака из «Нового Мира». Из его композиторской деятельности вспоминаются: Слово для хора к пятидесятилетию со дня рождения Чехова, симфонические произведения - Третья часть к Неоконченной симфонии к столетию со дня смерти Шуберта, пьеса для оркестра к столетию Таганрогского театра, романсы, пьесы для трубы, виолончели и т.д. В одной из статей Н. Михайловой говорится, что для его вокальных сочинений была характерна экспрессивная, яркая и выразительная мелодия. Моя мать вспоминает Ворошиловский марш, удостоенный Всесоюзной премии и написанный к десятилетию Красной Армии и который она с бабушкой слышала последний раз по радио будучи в Вене после Второй мировой войны.

И такой человек, посвятивший всю свою жизнь музыке, был обвинен в шпионаже в пользу Италии и посажен. В канун этого происшествия Молла был приглашен главным дирижером в Ленинградскую филармонию, и этот факт навел меня на мысль, что может быть этого кому-то не хотелось.

При аресте у деда были изъяты важные документы: его рукописные музыкальные произведения, переписка с Римским-Корсаковым, Рахманиновым, Гречениновым и Глазуновым, автограф Гарибальди и т.д.

Его же богатая оркестровая библиотека, самая большая на Юге России, которую перед его смертью многие города хотели купить, исчезла после окончания Второй мировой войны.

В 1971 году меня в Москве захотели познакомить с настоящим художником. Это был Михаил Кулаков, коренной москвич из Замоскворечья, чья живопись в то время была не

признана, ибо далека от соцреализма. Закончив Институт театра, музыки и кино (постановочный факультет под руководством Н. П. Акимова) в Ленинграде, Кулаков стал работать в издательствах как книжный график. Он мог выставляться только в научно-исследовательских институтах, его работы покупали в основном академики и иностранцы.

Теперь он считается одним из основателей новой русской абстракции, и как яркий представитель второго русского авангарда ценится музеями и коллекционерами.

С помощью Ренато Гуттузо и теперешнего президента Италии Джордже Наполитано я устроилась работать в издательство «Прогресс». Мы поженились, свидетелями были Лиля Брик и Петр Капица, и прожили вместе в Москве с 1973 по 1976 год. 21 апреля, в день рождения города Рима, Кулаков прибыл на римский вокзал вместе с одной своей картиной — «Мадонна Пенелопа», т.к. остальные он был не в состоянии выкупить у государства, которое в то же время не признавало его как художника. Картины остались у друга, который во время перестройки смог часть отправить в Италию через Русский музей.

В первые годы перестройки Кулаков наконец смог выставить свои старые и новые работы на родине. Первая персональная выставка была организована в Фонде советской культуры, а вторая - в Государственном Музее изящных искусств им. Пушкина. Сейчас его творения находятся в музеях России и за границей. Весной этого года будет выставка в одной частной галерее в Москве, а в 2008 году намечается выставка в Третьяковской галерее и в Риме в Государственном музее Палаццо Венеция.

Живем мы постоянно на хуторе Таганрог в ста километрах южнее от Рима, на холмах области Умбрии. Это перестроенный деревенский каменный дом со службами, окруженный полутора гектарами земли.